

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

К вопросу о теории международного частного права

Ануфриева Л.П.*

По самому своему внешнему выражению формулировка в заголовке настоящей статьи в известной мере предreshает реалистичность гипотезы о наличии теории международного частного права, хотя, по существу, было бы правильным спросить: а имеют ли место такая отдельная и *самостоятельная* область правоведения, как наука международного частного права, и соответственно ее неотъемлемая часть – теория международного частного права? На общий взгляд, подобная постановка вопроса выглядела бы риторически: разве можно сомневаться в наличии фундамента соответствующей науки, ее теории, если любая наука только тогда и становится таковой, когда в ней аккумулярован определенный багаж теоретических построений и разработок, составляющий ее отправные точки и формирующий принципиальные основы?¹ Тем не менее, если не призрачность, то по крайней мере неочевидность существования на современном этапе развития отечественной науки *теории международного частного права* по многим основаниям может показаться вполне оправданной.

---

* Ануфриева Людмила Петровна – к.ю.н., доцент кафедры международного частного права МГЮА.

¹ «Теория» – от греч. θεωρία, θέωρειω – «исследую, рассматриваю». В специальном смысле в философской науке термин «теория» означает высшую, самую развитую форму организации научного знания, дающую целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории. В более широком смысле теория – это комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение какого-либо явления (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 676).

Скажем, никто не сомневается в том, что имеется теория международного права. И действительно, теория международного права в собственном смысле этого понятия представляет собой ныне отдельное сложившееся направление правовой науки, активно разрабатываемое ее представителями, что проявляется прежде всего в самих установках исследователей, нацеленных на выработку комплекса принципиальных положений, толкующих и развивающих знание в области международного права. Последнее находит свое отражение непосредственно в наименованиях трудов². В области же международного частного права положение дел иное. Здесь чуждым и неорганичным кажется даже само выражение «теория международного частного права». Причины этого объяснимы. Дело в том, что значительной устойчивостью в МЧП характеризуется концепция, выдвинутая еще И.С. Перетерским и поддержанная Л.А. Лунцем, которая сводится к утверждению, что «МЧП есть одна из гражданско-правовых наук»³. Позиции сторонников данного подхода, к которым относятся С.Н. Лебедев, А.Л. Маковский, О.Н. Садиков, Г.К. Матвеев и др., хотя отчасти и оспариваются по ряду направлений отдельными авторами (М.М. Богуславским⁴, В.Г. Храбсковым, Н.Ю. Ерпылевой), все еще достаточно сильны. Более того, в результате принятия и введения в действие третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащей в своем составе раздел VI «Международное частное право», явно обозначились попытки пересмотреть суть завоеваний многих последних десятилетий, состоящих в отстаивании самостоятельности статуса

² См.: Бобров Р.Л. Теория международного права. Л., 1968; Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970; Черниченко С.В. Теория международного права. В 2 томах: Том. 1. Современные теоретические проблемы. Том 2. Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999; Усенко Е.Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права // Советское государство и право. 1983, № 10; его же. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979; Курс международного права. В 7 томах. Том 1. М., 1989 и др.

³ См.: Перетерский И.С. Система международного частного права // Советское государство и право. 1946, № 8/9. С. 25, 29; Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М., 1959. С. 7; Лунц Л.А. Международное частное право. М., 1970. С. 10-11.

⁴ В последних изданиях учебника М.М. Богуславского акцентируется обстоятельство, что МЧП регулирует отношения гражданско-правового, или частно-правового, характера, а с точки зрения квалификации как отрасли правоведения МЧП образует комплексную науку (См.: Международное частное право: Учебник. М., 1999. С. 13, 18, 19, 29; см. также: Международное частное право: современные проблемы. М., 1994. С. 3-4).

МЧП как отрасли объективного права. Примечательно в этом плане мнение Е.А. Суханова, который, говоря о наследственном праве и международном частном праве, относит их к *подотраслям* гражданского права⁵. Закономерно, что в этой ситуации исчезают даже предпосылки для разговора о самостоятельности характера науки международного частного права.

Но даже если исходить из квалификации МЧП в качестве отдельной отрасли внутригосударственного права, его развитие как области правоведения в течение значительного периода времени происходило по канонам гражданско-правовой науки, иногда в условиях даже отрицания ее статуса как самостоятельной науки⁶. Таким образом, под вопросом в ряде случаев стояло само наличие в системе правовых наук отдельной области правоведения, изучающей международное частное право⁷ и обладающей качествами *специального* направления. Тем более, раз это *одна из гражданско-правовых наук*, не возникало оснований, как это было бы в любом другом случае, для выделения в ней особой ее части, составляющей фундамент всех принципиальных построений и именуемой *теорией международного частного права*, поскольку в силу такой трактовки ее «поглощение» наукой и основными теоретическими постулатами гражданского права презюмировалось *ab initio*. Некоторыми современными специалистами в области МЧП, которые непосредственно указывают на свою принадлежность к гражданско-правовым концепциям природы МЧП⁸, подчеркивается частноправовая природа МЧП и, надо думать, соответственно отнесение

⁵ См.: Суханов Е.А. О третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002, № 3. Примечательно, что в предисловии к «Комментарии к третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации», выпущенному в свет почти вслед за упомянутой публикацией, которое подготовлено А.Л. Маковским и Е.А. Сухановым, международное частное право наряду с наследственным правом называются уже «разными подотраслями гражданского законодательства» (Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского и Е.А. Суханова. М., 2002. С. 19).

⁶ См.: Брагинский М.И. О природе международного частного права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1982. Вып. 24. С. 146-160.

⁷ Отдельные отступления от этого находили себе место. В частности, А.Л. Маковский в конце 90-х гг. XX в. убежденно полагал, что «частное международное право давно сформировалось и обособилось в качестве самостоятельной отрасли правовой науки и учебной дисциплины» (Правовое положение иностранных граждан в России // Сборник нормативных актов. М.: БЕК, 1996. С. XXIX).

⁸ Звеков В.П. Международное частное право. Курс лекций. М., 1999. С. 5-9.

его к *частноправовым отраслям* правоведения. Однако при этом ситуация с оправданностью, а также одобрением научной общественностью и перспективами деления внутригосударственного права на *частное* и *публичное*⁹ далека от благополучия, и тем более преждевременны были бы любые разговоры о возникновении в недрах отечественной науки *теории частного права*, которая могла бы вместить в себя теорию МЧП¹⁰.

Даже беглый обзор специальной литературы позволяет прийти к заключению, что, в отличие, скажем, от международного права, отечественная наука, изучающая внутригосударственное право, не может похвастаться тем, что имеющиеся в области МЧП знания сложились в систему концентрированных, надлежаще сформулированных и научно организованных обобщений и представлений о нем – в строгом значении теорию международного частного права. Об этом свидетельствует прежде всего скудость фундаментальных разработок, имеющих целью предметное и целенаправленное изучение проблем сугубо понятийного порядка, а также и характер мнений, высказываемых в публикациях по МЧП. Так, авторы коллективного труда «Международное частное право: современные проблемы» квалифицируют МЧП как правовую область, в которой, «с одной стороны, действуют принципы и нормы международного права, а с другой – применяются категории внутреннего права государства (гражданского, трудового, семейного, процессуального)». Это позволяет, с их точки зрения, говорить «о комплексном характере МЧП как отрасли правовой науки...», «о гибриде в юриспруденции»¹¹. Цитируемый фрагмент способен внушить не только идею того, что наука МЧП обладает комплексностью, но и создает впечатление, будто и право в объективном смысле – международное частное право – также отмечено «комплексностью». О «юриспруденции» применительно к международному частному праву говорят и другие авторы¹².

---

⁹ О частном праве см.: Алексеев С.С. Частное право. Научно-публицистический очерк. М., 1999.

¹⁰ Критика предложений о выделении в системе российского права «частного права» в противовес «публичному» высказывалась автором настоящей статьи в ряде публикаций. См.: Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права // Журнал российского права. 2001, № 5; Она же. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002.

¹¹ Международное частное право: современные проблемы. С. 3–4.

¹² См.: Муранов А.И. Некоторые замечания по поводу освещения источников ино-

В этой связи встает задача уточнения, что же понимается под термином «юриспруденция», и выявления его содержания в различных языках мира, по крайней мере имеющих сегодня преимущественное распространение. В современном русском языке под понятие «юриспруденция» подпадают «совокупность наук о праве; правоведение. Правовая система, практическая деятельность юристов, судебные решения»¹³. «Юридический энциклопедический словарь» термин «юриспруденция» рассматривает как синоним понятия «юридическая наука»: «юридическая наука (правоведение, юриспруденция) – общественная наука, изучающая право как особую систему социальных норм...»¹⁴. Словарь французского языка «Ле Пти Робер» дает два значения понятию «юриспруденция»: во-первых, отождествляет его с наукой о праве; во-вторых, определяет как совокупность решений юрисдикционных органов по соответствующему вопросу или в целом страны в той мере, в какой они образуют источник права, а также систему правовых принципов, вытекающих из них¹⁵. Словарь английского языка однозначно определяет юриспруденцию как «теорию или философию права»¹⁶.

Сходен с этим подход американского словаря Вебстера, который предусматривает не только вторую составляющую в понятии «юриспруденция» – «философия права», но выделяет и еще один аспект его значения: «структура права»¹⁷. Оба приведенных последними издания подчеркивают «онтогенетическую» основу рассматриваемой категории: от лат. *jus* – «право» и *prudentia* – «знание», «предвидение (прогноз)». Таким образом, семантическое значение этого термина в различных языках не имеет принципиальных расхождений, и его сущность вряд ли может вызвать разногласия. Следовательно, его использование подразумевает в общем тождественное (или сходное) содержание как в русском, так и в иностранных языках. Из этого следует только одно: если в публикации на русском языке устойчиво фигурирует понятие «отрасль юриспруденции» применительно к междуна-

---

странного международного частного права в современной отечественной науке // Международное право. 2001, № 4.

¹³ Словарь русского языка. В 4 томах. Издание 2-е, испр. и доп. Т. IV. М., 1984. С. 775.

¹⁴ См.: Юридический энциклопедический словарь (главный редактор А.Я. Сухарев). М.: «Советская энциклопедия», 1984. С. 412.

¹⁵ См.: Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P., 1972. P. 957.

¹⁶ См.: The Pan English Dictionary. L., 1980. P. 590.

¹⁷ См.: Webster's New World Dictionary. N.-Y., 1982. P. 250.

родному частному праву, отсутствуют указания на какой-то другой смысл, имеющийся у данного термина, которым может обозначаться и иное явление, то ее автор или авторы неизбежно исходят из квалификации последнего в качестве «отрасли правоведения», «отрасли науки о праве», а не чего-либо еще¹⁸.

Наряду с этим предположения по поводу того, что МЧП характеризуется самостоятельностью и как отрасль объективного права, и как юридическая наука, либо гипотезы противоположного толка, т.е. отрицающие это, равно как и признающие «составной» (комплексный) характер последней, основываются вовсе не на всеобъемлющем анализе особенностей категориального аппарата, используемого в особой части правоведения, изучающей МЧП, а преимущественно на механическом применении общих канонов и понятий, свойственных праву вообще. При этом нередко ставится знак равенства между «комплексностью» науки и использованием различных методов исследования, включая комплексные, что, разумеется, далеко не одно и то же.

Естественно, что основные понятия, связанные с определением, наименованием, объектом, методами и субъектами регулирования, а также сферой действия МЧП, подвергались анализу практически во всех случаях, когда авторы вынуждены были обращаться к общей части курса международного частного права при изложении материала одноименной учебной дисциплины. В этой связи следует назвать и имена русских дореволюционных ученых, и исследователей советского периода, и авторов более позднего этапа – собственно российских, а также и других стран СНГ. В первой группе перечисленные категории с разной степенью аналитического подхода рассматривались Н.П. Ивановым, П.Е. Казанским, Ф.Ф. Мартенсом, Б.Э. Нольде, М.И. Бруном, А.Н. Макаровым, А.Н. Мандельштамом, Г.Ф. Шершеневичем и др., работы которых составили фундамент отечественной теории права, занимающейся проблемами международного публичного и/или международного частного права. Ко второй категории принадлежат советские исследователи, развивавшие не только общие понятия МЧП, но и отдельные его институты (как, например, в области коллизии права и коллизионных норм, иностранных юридических лиц, права собственности и т.д.), начиная с 20-30-х гг. XX столетия: А.Г. Гойхбарг, А.М. Плоткин, С.И. Раевич, В.М. Корецкий, И.С. Перетерский, С.Б. Крылов, А.М. Ладыженский, Л.А. Лунц, Г.Е. Вилков,

---

¹⁸ См., например: Муранов А.И. Указ. соч.

А.Б. Левитин и др. Наконец, третью группу специалистов МЧП, в той или иной мере обращавшихся и обращающихся к основным категориям его понятийного аппарата, составляют авторы, чье творчество приходится как на этап развития МЧП в эпоху Советского Союза, так и на современный период существования российской государственности¹⁹. При этом нельзя не отметить явное преобладание на этапах, предшествующих 80-90-м гг. XX в., более или менее крупных специальных монографических работ по некоторым актуальным проблемам международного частного права и доминирование учебных изданий в области МЧП в последние годы.

Немалый удельный вес в научных исследованиях, посвященных международному частному праву, составляют проблемы прикладного значения, в ходе изучения которых, разумеется, не могли не затрагиваться и некоторые категории фундаментального порядка. В этом смысле специальные исследования в области правового регулирования иностранных инвестиций, международных экономических отношений в целом, унификации гражданско-правовых норм, применяемых в международном хозяйственном обороте, обычаев и обыкновений международной торговли, международного коммерческого арбитража, международного гражданского процесса и т.д.²⁰ в той или иной мере содержат материал, связанный как с дефинициями соответствующих понятий, так и, в качестве закономерного результата указанного, с совершенствованием знаний по международному частному праву в части углубления их содержательной стороны. Стоит особо отметить, что современный этап развития доктрины МЧП обнаруживает явное повышение интереса исследователей к проблемам, в существенной мере определяющим его специфику: в частности, серьезному уточнению в теоретическом плане в новейших публикациях российских авторов (О.Н. Садикова, Е.В. Кабатовой, А.Н. Жильцова, Ю.Э. Монастырско-

---

¹⁹ Вряд ли возможно перечисление всех имен, но некоторые из них (в частности, М.М. - Богуславского, М.И. Брагинского, И.А. Грингольца, И.С. Зыкина, В.П. Звекова, Е.В. - Кабатовой, Б.И. Кольцова, М.Н. Кузнецова, С.Н. Лебедева, А.Л. Маковского, Н.И. - Марышевой, Г.К. Матвеева, Ю.Г. Матвеева, Р.А. Мюллерсона, М.Г. Розенберга, А.А. Рубанова, О.Н. Садикова, Е.Т. Усенко, В.Г. Храбскова и др.) достаточно известны.

²⁰ См. в этой связи работы А.Г. Богатырева, Г.М. Вельяминова, Н.Г. Вилковой, Н.Г. - Дорониной, Н.Г. Семилутиной, И.С. Зыкина, И.И. Иванова, А.С. Комарова, В.В. Комарова, А.И. Минакова, Т.Н. Нешатаевой, В.С. Позднякова, А. Тынеля, Я. Функа, В. Хвалеев, В.М. Шумилова, В.В. Яркова и др.

го, А.И. Муранова, А.В. Аничкина и др.) подверглись такие понятия, как «императивные нормы», «гибкие коллизионные привязки» в коллизионно-правовом методе регулирования, «публичный порядок», «обход закона», «обратная отсылка» и др. При этом ряд узловых проблем международного частного права, таких как, скажем, учение об источниках международного частного права, становился предметом теоретического внимания лишь эпизодически²¹. Соответственно категориальному масштабу МЧП как особой науки о праве в трудах перечисленных и иных авторов значения не придавалось. В то же время нельзя отрицать того, что ведущие правовые категории международного частного права составляли (хотя бы и в разрозненном виде) предмет научного анализа для многих юристов, в том числе и зарубежных международников²². Хотя правовые категории, будучи основным инструментарием науки, не могли не получить определенной степени разработанности в теории международного публичного права или в рам-

²¹ См. в этой связи: Ануфриева Л.П. Об источниках международного частного права // Московский журнал международного права. 1994, № 4; Она же. Международное частное право: В 3 томах. Т. 1. Общая часть. М., 2000. С. 122-128, 145-167.

²² Так, болгарский ученый В. Кутиков представил развернутое исследование функций международного частного права, его материально-правовых норм. Г. Генев, М. Геневски, Ж. Сталев проанализировали как соотношение международного и международного частного права в целом, так и особенности неотъемлемой части последнего - коллизионного права. Венгерские авторы И. Саси, Л. Рецей и Ф. Мадл, Л. Векаш, И. Сас, с одной стороны, посвятили свои сочинения коллизионной природе международного частного права, а с другой - обосновывали наличие в его содержании такого комплексного явления, как «внешнеэкономическое право» («право внешней торговли»), представляя его в качестве особой составляющей категориального уровня МЧП. Бельгийская наука в лице Ф. Ринго активно поддерживает конструкцию «транснационального», «международного экономического права». Ближе к этому примыкают французские авторы Ф.Д. Карро, П. Жюйяр, Т. Флори. В связи с широкой деятельностью транснациональных корпораций проблемы соотношения международного экономического и международного частного права стали предметом активной научной полемики в трудах иных иностранных авторов: Г. Эрлера, В. Фикентшера (Германия), П. Пиконе и Г. Саккердотти (Италия), П. Верлорена ван Темаата (Нидерланды) и др. А. Батиффоль, П. Лягард (Франция) филигранно разработали «право иностранцев» и раздел, касающийся международно-правовых источников МЧП, а также «конфликтов юрисдикций». Х. Шак (ФРГ) является специалистом в сфере международного гражданского процесса, предложившим концепцию «международного гражданского процессуального права», в рамках которого особым вниманием пользуются вопросы «европейского процессуального права». Английский специалист К. Шмиттхофф выступил в качестве одного из активных «конструкторов» теории *lex mercatoria* - понятия, поддерживаемого теоретиками и практиками многих стран (Э. Локзном, Б. Гольдманом, Ф. Каном, К. Кесседжиан – во Франции, М. Коппенол-Ляфорс – в Голландии,

ках академической дисциплины МЧП, их изучение в аспекте МЧП не вылилось в мощный конкретно направленный процесс, нацеленный на результаты формирования фундаментальной части самостоятельной специальной науки. В свете этого, думается, становится ясным, почему применительно к международному праву использовано выражение «теория международного публичного права», а в отношении международного частного права – термин «дисциплина».

Если в советской (затем российской) общей теории государства и права проблематике методологии изучения и исследования категорий в юридической науке уделялось достаточно серьезное внимание, подтверждением чего служат специальные работы А.М. Васильева, С.С. Алексеева, М.Ф. Орзиха, А.А. Тилле и др.²³, а международное публичное право устойчиво характеризуется определенным сдвигом в этом направлении²⁴, то системное изложение понятий международного частного права в рамках специального теоретического исследования с надле-

---

а также в Швейцарии Л. Копельманасом, П. Ляливом и др.). Швейцарские юристы М. Келлер и К. Сир представили аргументированный взгляд на природу международного частного права, в частности характер его коллизионных норм. К. Сир в своем новейшем сочинении, изданном в 2001 г., подверг анализу состояние и тенденции развития МЧП на примере немецкого и европейского коллизионного права. Х. Кох, У. Магнус, П. Винклер фон Моренфельс в середине 90-х гг. внесли крупный вклад в разработку проблем международного частного права в аспекте сравнительного правоведения, представив исследование, выдержавшее несколько изданий, в том числе на русском языке (2001 г.). Повышение интереса к вопросам, касающимся отыскания надлежащего права и его применения, в частности, в сфере международного коммерческого арбитража характерны для западноевропейской науки (Ив. Дерэн, Э. Локэн, П. Лялив, С. Жарвэн, Э. Гайар, А. Бюше). Особый масштаб имеет концепция «собственного права договора», «собственного права деликта» (Д.Ф. Кейверс, Б. Карри и др.).

²³ Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976; Орзих М.Ф. Содержание методологии юридической науки // Правоведение, 1973, № 1; Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978; Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987, № 6. Примером «межотраслевого» (сразу оговорим неточность использования термина «межотраслевой», поскольку наука международного права не является однопорядковой по сравнению с отраслевыми науками внутригосударственного права) новейшего по хронологии рассмотрения понятий международного и национального права на категориальном уровне является параграф, посвященный их соотношению, в «Академическом курсе» теории государства и права (см.: Общая теория государства и права. Академический курс в 2 томах / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2000).

²⁴ См.: Усенко Е.Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права // Советское государство и право. 1983, № 10; Его же. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного пра-

жаще поставленными целями пока еще не имеет места. Особенно это справедливо для такого аспекта, как соотношение и взаимодействие двух *сфер правоведения* – международного (публичного) и международного частного права. Следует отметить, что в подобном ракурсе данная проблема не ставилась ни в общей теории права, ни в теории международного права, ни в работах по международному частному праву. Между тем это далеко не последний момент в гносеологическом, да и практическом отношениях, поскольку такая грань, как взаимные связи и взаимные отношения явлений друг с другом, обеспечивает раскрытие новых качеств во внутреннем содержании анализируемых объектов.

Некоторые исследователи методологии изучения категорий общей теории государства и права, отстаивая фундаментальный характер последней по отношению к другим правовым наукам, подчеркивают, что она выступает в качестве таковой ввиду природы ее взаимодействия и связи с прочими юридическими науками, квалифицируемыми как *отраслевые*²⁵. Понятна подобная квалификация, если речь идет о внутригосударственном праве, его отраслях и соответствующем разделе науки, его изучающей. Коррелятами здесь выступают соответственно отрасль права и юридическая наука. Международное же право отраслью права не является, а образует отдельную самостоятельную правовую систему. Следовательно, может ли теория международного права выступать в качестве адекватного **системе права** коррелята – «отраслевой науки»? Очевидно, что нет. С учетом данных обстоятельств подлежит разрешению также и другой, но имманентно связанный с первым вопрос о соотношении двух юридических наук – теории международного права и таковой международного частного права.

Вследствие этого становится очевидной настоятельность, во-первых, проведения типологии юридических наук в масштабе отечественной правовой науки, а во-вторых, исследования МПП и МЧП на уровне вычленения в них категорий, образующих собственный их фундамент в научно-теоретическом плане, что в конечном счете должно объек-

---

ва // Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979. Его же. О системе международного права // Советское государство и право. 1988, № 4; Курс международного права: В 7 томах. Т. 1. М., 1989. С. 242-271. Помимо Е.Т. Усенко, в последние годы дополнительный вклад в изучение отдельных аспектов международного права на категориальном уровне вносят работы С.В. Черниченко, И.И. Лукашука, в известной мере Р.А. Мюллерсона.

²⁵ См.: Васильев А.М. Указ. соч. С. 29.

тивно содействовать правильному разрешению вопроса о квалификации и месте теорий международного права и международного частного права в общей системе юридических наук, развитию и углублению знаний как в сфере упомянутых наук, так и в целом теории государства и права как таковой.

Сопоставительный анализ основных понятий, которыми оперируют общая теория права, международное публичное право и международное частное право, – органическая составляющая науки МЧП и одновременно предпосылка ее развития. Это обуславливает необходимость в уточнении и систематизации некоторых правовых абстракций, включаемых в перечень основных понятий системы/подсистемы/отрасли права, из которых конструируется юридическая наука, в данном случае – наука и ее теоретические основы, относящиеся к международному частному праву. В этом плане для области правопведения, изучающей международное частное право, едва ли не первостепенным по значимости выступает в нынешних условиях вопрос о статусе самой науки МЧП, т.е. является ли она: а) частью науки гражданского права, б) одной из наук гражданско-правового направления, в) самостоятельной и специфической областью юридических знаний в общей системе правовых наук – отраслевой наукой либо наукой, имеющей иной статус²⁶, или г) комплексной отраслью правопведения²⁷. В последних позициях содержится два альтернативных варианта: признание МЧП областью правопведения, имеющей своим основанием особый *сложный* предмет правовых знаний и в силу этого образующей отдельную научную дисциплину, которая, если руководствоваться традиционными постулатами правовой науки, обладает своим объектом и характеризуется собственным специфическим инструментарием и методами исследования, и квалификация МЧП в качестве конгломерата различных по характеру элементов правовых дисциплин, не об-

---

²⁶ О тезисах по поводу иного структурного статуса МЧП как части объективного права, что не может не повлиять на квалификацию его научного статуса, см.: Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (проблемы системной принадлежности и структурного статуса) // Журнал российского права. 2001, № 6.

²⁷ Как видно, в приведенном перечне гипотез отсутствует квалификация и в силу этого возможность рассмотрения международного частного права – области объективного права и правопведения – через призму системы международного права. Это объясняется характером общей авторской позиции в отношении природы МЧП, заключающейся в отнесении последнего к сфере внутрисоветского, а не международного права.

разующего обособленного раздела научного знания, но укладываемого в рамки цивилистических научных конструкций. В этом плане в случае согласия со вторым вариантом необходимо считать МЧП одной из гражданско-правовых наук, являющейся комплексной по своему характеру. Таков традиционный взгляд, выраженный в отечественной доктрине. В первом же варианте МЧП выступает как *специальная наука*, в которой, безусловно, присутствуют цивилистические категории, но имеются также и далекие от собственно науки гражданского права понятия (как, например, «общепризнанные принципы международного права», «суверенитет государства», «юрисдикция государства и пределы ее действия», «экстратерриториальность», «взаимодействие международного и внутригосударственного права», «применение иностранного права» и т.д.). Использование методологии познания, свойственной теории международного права, а также сравнительно-правовых методов исследования (компаративистики) отражает указанный выше оригинальный предмет рассматриваемой области правовой науки. Вследствие этого компаративистский подход к изучению права в МЧП не должен восприниматься как добавление к самому предмету данной науки. Он составляет один из закономерно присутствующих методов познания, непосредственно обусловленный природой предмета.

Присутствие в какой-либо науке общих абстракций, свойственных иным научным подразделениям, нередко приводит к постановке вопроса о превращении ее в некий комплекс, в котором выражены понятия не только одного, но и других направлений научного познания. Тем не менее, внешние очертания явлений не должны приниматься за сущие их черты, в конечном итоге детерминирующие то, что выступает действительно «общим» в рассматриваемых предметах. Лишь последнее, как представляется, способно обусловить «комплексность». Факт присутствия в аппарате общей теории государства и права и науках международного публичного и международного частного права определенного числа категорий, распространенных или внедрившихся в другие области права и изучающие его науки («суверенитет», «государство», «иммунитет», «международные организации», «территория», «юрисдикция», «правовая система», «принципы» и т.д.), очевиден. Однако для того, чтобы сделать вывод о наличии такой сути, общей для отдельной категории в контексте всех указанных наук, необходимо установить тождество юридического содержания перечисленных или иных понятий, придаваемое последним в этих науках.

Авторы коллективного труда «Международное частное право: современные проблемы», правомерно констатируя, что изучение соответствующих проблем в области МЧП невозможно без привлечения общей теории права, указывают на отдельные попытки использовать общетеоретические категории при анализе некоторых вопросов, имеющих кардинальное значение для МЧП. В качестве примеров выступают работы А.А. Рубанова в части изучения международного взаимодействия национальных правовых систем, Б.Н. Кольцова – применительно к социологическим аспектам исследований. Вместе с тем они не могли проигнорировать то обстоятельство, что в ряде случаев специфические особенности МЧП не укладываются в общетеоретические положения и требуют специальных решений²⁸. Однако поскольку понятие «комплексности» международного частного права как науки только называется, но не раскрывается, то предположение о том, что авторы названного труда имеют в виду наличие теории МЧП как научной дисциплины, не подтверждается, а расплывчатость не только контуров теории МЧП, но и самого факта ее существования в этом случае лишь усиливается: констатация явления «комплексности» науки, не сопровождаемая развернутой аргументацией и соответствующими выводами, существенно подтачивает основательность как подхода, так и вывода.

Вследствие этого становится очевидной настоятельность исследования проблем категориального уровня международного частного права в масштабах соотнесения его теоретических основ с теорией международного права, общей теорией права, а также некоторыми отраслевыми науками внутригосударственного права, что в конечном счете должно объективно содействовать углублению знаний не только в области указанных наук, но и в целом общей теории государства и права. Международное публичное и международное частное право, некогда рассматриваемые как две части одного целого, в настоящее время по большинству позиций «разведены по разным квартирам»: первое относится к системе международного права в собственном смысле этого понятия, второе – к национальному праву и составляет часть внутригосударственного права каждого отдельно взятого государства. Отдельные отступления от указанного, содержащиеся во взглядах некоторых отечественных теоретиков права, имеют место. В частности, В.С. Нерсисянц полагает, что международному праву, так же как и внутригосу-

---

²⁸ См.: Международное частное право: современные проблемы. М., 1994. С.4.

дарственному, присуще деление на «публичное» и «частное», из чего со всей очевидностью вытекает положение, будто международное право включает в себя международное публичное и международное частное право²⁹. Однако, как представляется, они не колеблют общей тенденции в позиции по этому вопросу.

Хотя и ранее, и сегодня существовали и существуют отличающиеся воззрения на место и правовую природу международного частного права, о чем в свою очередь будет сказано особо, точка зрения об их раздельной системной принадлежности, пожалуй, без сомнения, доминирует в мировой юридической литературе. В свете этого теоретический аспект их соотношения с поверхностной точки зрения не выглядит сложным явлением, поскольку может быть сведен к простой схеме взаимоотношений между одной самостоятельной системой права, с одной стороны, и частью иной, также независимой правовой системы, – с другой. Однако, если иметь в виду анализ взаимодействия международного публичного и международного частного права через призму особого их среза – правовых категорий, взаимные отношения и связи между этими двумя объектами обретают дополнительные грани и внутренние линии соприкосновения, переплетения, влияния и отражения, которые, естественно, не могут быть вскрыты при внешних подходах к их взаимодействию.

Как и всякая другая наука, наука о праве оперирует имманентными ей терминами, понятиями и абстракциями, выражающими суть основных ее категорий. Вряд ли нуждается в специальном обосновании роль понятийного аппарата в любой области знаний, особенно если он представляет собой теоретический фундамент соответствующей дисциплины. Основные понятия и опорные конструкции, разрабатываемые и развиваемые правовой теорией, используются как для систематизации уже существующих знаний о нормах права, их применении или функционировании права вообще, так и для совершенствования общетеоретических и отраслевых юридических наук. Трудно переоценить значение правовых категорий для процессов систематизации, дифференциации, типизации и кодификации самого позитивного права, будь то внутригосударственное (национальное) законодательство или международное право.

Бурное и всестороннее развитие права в объективном смысле, вызванное колоссальными изменениями в международных и внутригосу-

---

²⁹ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2001. С. 432.

дарственных социальных и идеологических отношениях, рождает новейшие тенденции в экономике, политике, правовой надстройке и, разумеется, науке, изучающей явления, обусловленные или связанные с правом. Эти процессы в известной своей части, безусловно, могут быть изучены с помощью соответствующих правовых категорий, некоторые из которых стабильно входят в опорный арсенал юридических понятий, другие – только вводятся в правовой оборот, но подлежат исследованию с учетом и использованием первых.

Любое специальное исследование, в том числе и в сфере правовой, покоится на совокупности определенных понятий, которые формируют его «остов», опорные конструкции и обозначают краеугольные точки, способствующие цельному и связному изложению материала, которые соответствуют общим разработкам в области научных абстракций, применимых к предмету. Большинство таких понятий знакомо всем направлениям юридических дисциплин, поскольку они разработаны *общей теорией* государства и права. В то же время в специальных науках имеются категории, составляющие уникальное достояние только данной области правоведения и поэтому требующие особого к себе отношения и интерпретации. Для формирования строгой научной теории не только в области международного частного права, но и международного права принципиальную роль играет особый аспект в изучении категорий, являющихся фундаментальными для данных научных дисциплин, – их соотношение и взаимодействие³⁰. В методологии исследования под таким углом зрения важнейшим выступает как вычленение самих правовых абстракций, выполняющих функции краеугольных понятий, так и конструирование соответствующих их «блоков» или сочетаний, в качестве которых служат определенные понятийные ряды. В этом случае рассмотрение категориального аппарата каждой из наук – международного публичного и международного частного права – осуществляется в многообразии ракурсов, которые обусловлены соответствующими схемами указанных рядов, сконструированными по принципу последовательного развертывания содержания одноименных понятий в обеих областях юридического

---

³⁰ Определенное начало в этом плане положено (см. в этой связи: Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002), однако является ли это достаточным для признания сформировавшейся науки международного частного права как *специальной* науки и разрешены ли все проблемы теории МЧП? Очевидно, что должен последовать отрицательный ответ.

знания. В процессе такого анализа устанавливаются те точки пересечения двух научных дисциплин и областей объективного права, благодаря которым обеспечивается взаимодействие между ними, вскрываются общность и различия в содержании определенных категорий, а также сопоставляются результаты проведенного анализа с достижениями теории государства и права, что способствует лучшему выявлению неочевидных граней того или иного предмета, обозначаемого соответствующим понятием.

При обращении в буквальном смысле к «шквалу» многочисленных изданий по международному частному праву, вышедших в свет в последние годы, обращает на себя внимание один момент, непременно присутствовавший в работах, а именно подчеркивание обусловленности роли международного частного права расширением взаимодействия между различными государствами в разнообразных областях сотрудничества, его углублением и интенсификацией. В последних публикациях непременно указывается на связь между ростом значения в современных условиях МЧП и расширением круга субъектов, вышедших на внешнюю арену российского государства, вхождением РФ в мировой рынок. Нельзя не заметить, что само по себе это есть количественная сторона вопроса и отражает «экстенсивный» подход к оценке роли международного частного права в существующем мире.

Между тем, как представляется, главным фактором повышения интереса к международному частному праву, по крайней мере в Российской Федерации и других странах постсоветского пространства, стало изменение самой сути общественно-экономического бытия, пришедшего на смену былой системе внутригосударственного и политического устройства в этих государствах, которое совершенно закономерно не могло не сказаться и на взаимоотношениях с ними других стран планеты, а также на взаимоотношениях последних между собой. Большая открытость обществ друг другу, гласность и развитие всяческих контактов на всех уровнях обеспечили и большую доступность западных исследований и публикаций, информации, размещаемой в мультимедийных средствах массовой информации и т.д., которая составляет в итоге качественно иную основу для российских научных разработок, в свою очередь раздвигает собственные горизонты изучения международного частного права в нашей стране и применения их результатов в жизни общества. На базе объективно создававшихся материальных условий указанного порядка для развития данной правовой

сферы – международного частного права – закономерностью выглядит и потребность в соответствующей теории, т.е. теории МЧП.

Ввиду этого появляются большие возможности для выстраивания существующих и могущих быть полученными в будущем научных данных о состоянии, проблемах и перспективах правового регулирования частноправовых отношений, имеющих проявление юридической связи с правовыми порядками различных государств, т.е. международного частного права, – в системное знание в масштабах особого направления теоретических работ фундаментального характера, относящегося к МЧП. Иными словами, придание исследованиям в сфере международного частного права целевой направленности в сторону не просто нового переосмысления краеугольных его вопросов (объекта регулирования, методов регулирования и их механизмов действия, функций, содержания и сферы МЧП, правовой природы и регулятивного характера его норм и др.), но сознательного формирования в нем такого вектора, как соединение в стройную теорию имеющихся в этой области знаний и их всестороннее углубление на этой основе, являет собой отдельную задачу развития международного частного права. Указанное со всей неизбежностью определяет достаточно тривиальный по своей сути, но отвечающий требованиям объективной оценки существующей действительности вывод – конструирование теории международного частного права во всей научной целостности и завершенности ее очертаний еще впереди.

При этом обобщение и интегрирование в систему понятий категориального аппарата, которым должна оперировать складывающаяся теория международного частного права, необходимо осуществлять с позиций ее статуса как *специальной, а не отраслевой* юридической науки, имея в виду прежде всего цели содействия таким путем развитию российской правовой науки в целом благодаря уточнению содержания и систематизации некоторых правовых абстракций, включаемых в перечень основных понятий права как явления, а также его существенных, структурных и функциональных элементов (в том числе системы, подсистемы или отрасли и т.д. права) и создающих теорию международного частного права, достижения которой должным образом учитываются *общей*, в собственном смысле слова, теорией государства и права.